

Русский философский язык смерти
Коробов-Латынцев Андрей Юрьевич

Кандидат наук

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: andrey0889@mail.ru

Русский философский язык смерти, прежде всего, нравственно ориентирован. Как пишет отечественный философ В.В. Варава в своей диссертации «Смерть как проблема нравственной философии»: «Если речь идет о смерти как о юридическом или биологическом факте, то это находится за границами нравственного сознания. Но когда разговор переходит в плоскость трагедии смерти, то это уже нравственный язык, посредством которого человек выходит в пространство духовного осмысления своего бытия» [1]. Философ затем добавляет, что «язык смерти (равно как и бессмертия) не есть язык разума, но совести» [2]. Таким образом, здесь вводится разграничение языка смерти и языка бессмертия.

Карсавин вопрошает о смерти как тайне, которая не приручена ни наукой, ни религией, - о тайне, которую принципиально нельзя вписать ни в какую диалектику, ни в какую религиозную схему. Единственный язык, при помощи которого можно говорить об этой тайне, это язык апофатики. Смерть тайна неизбежно объективируется в научном и религиозном языке, и вместо смерти дается только тот или иной образ смерти, сама же смерть тем самым уже теряется мыслью и уходит из поля зрения. В.В. Варава пишет, что «в философии существует определенный апофатический запрет на некоторые вещи, нарушить который нельзя, не дискредитировав само понятие философии. Среди первых вещей, на которые этот запрет распространяется, является смерть» [3]. В этом специфика философского языка вообще и конкретно философского языка смерти, который вопрошает о смерти с уверенностью, что ответ не будет получен, потому что «на проклятые вопросы нет и не может быть ответа - и в этом вся суть» [4]. Если следовать этой типологии, то в русской философии можно выделить как языки смерти, так и языки бессмертия. Например, типичным языком бессмертия будет являться язык философии общего дела Н.Ф. Федорова. Определяя для смерти однозначное место, а именно место врага, который обречен на поражение, христианский язык лишает смерть статуса главной тайны для человеческой жизни. Пример языка бессмертия находим у Б.Вышеславцева. Вышеславцев эксплицирует из послания Апостола Павла диалектику, согласно которой «не оживет, аще не умрет», - Вышеславцев переводит это высказывание на язык своей философии так: «смерть есть необходимый диалектический момент, подчиненный воскресению и в нем находящий свой смысл» [5]. Таким образом, мы находим у Вышеславцева философски вооруженный язык бессмертия, который конституируется при помощи гегелевской диалектики, направленной на христианскую антиномию смерти.

Образец философского языка смерти дается в поэме Льва Платоновича Карсавина, которая так и названа - «Поэма о смерти». Язык смерти, предлагаемый Карсавиным, оказывается, прежде всего, философским языком, а не религиозным, и этот философский язык выстраивается в форме подлинного философского вопрошания. Причем в свете смерти вопрошается и о самом языке смерти (рассуждения о поэме в самом начале).

Карсавин вопрошает о смерти как тайне, которая не приручена ни наукой, ни религией, - о тайне, которую принципиально нельзя вписать ни в какую диалектику, ни в какую религиозную схему. Единственный язык, при помощи которого можно говорить об этой тайне, это язык апофатики. Смерть тайна неизбежно объективируется в научном и религиозном языке, и вместо смерти дается только тот или иной образ смерти, сама же смерть тем самым уже теряется мыслью и уходит из поля зрения. В.В. Варава пишет,

что «в философии существует определенный апофатический запрет на некоторые вещи, нарушить который нельзя, не дискредитировав само понятие философии. Среди первых вещей, на которые этот запрет распространяется, является смерть» [6]. В этом специфика философского языка вообще и конкретно философского языка смерти, который вопрошает о смерти с уверенностью, что ответ не будет получен.

[1] Варава В.В. Смерть как проблема нравственной философии :На материале русской философской культуры XIX-XX веков. (специальность 09.00.05 - Этика). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. - Тула, 2005 С.21

[2] Там же, С.21

[3] Варава В. Неведомый бог философии. - М.: Летний сад, 2013. - 256 с. (Серия «Современная русская философия», № 7). - С, 123

[4] Там же. С 127

[5] Там же. - С. 309

[6] Варава В. Неведомый бог философии. - М.: Летний сад, 2013. - 256 с. (Серия «Современная русская философия», № 7). - С, 123

Источники и литература

- 1) Варава В.В. Смерть как проблема нравственной философии :На материале русской философской культуры XIX-XX веков. (специальность 09.00.05 – Этика). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. - Тула, 2005
- 2) Варава В. Неведомый бог философии. – М.: Летний сад, 2013. – 256 с. (Серия «Современная русская философия», № 7).
- 3) Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. Ст., сост. И коммент. В.В Сапнова. – М.: Республика, 1994. – 368 с. – (Б-ка этической мысли).
- 4) Протопресвитер Александр Шмеман. Литургия смерти и современная культура. – М.: ГРАНАТ, 2013
- 5) Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. / Сост. И вступ. Ст. С.С. Хоружего. – М.: «Ренессанс», 1992. – LXXIII, 325 с. – («Памятники религиозно-философской мысли»)